

Скворцов Александр Игнатьевич

заслуженный деятель искусств РФ, канд. искусствоведения, профессор
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

**АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ В КОНТЕКСТЕ
ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ**

***Аннотация:** прослеживаются исторические судьбы выдающихся архитектурно-художественных творений Владимиро-Суздальской Руси XII века, устанавливаются пути возрастающего просветительского интереса к ним в XVIII столетии и перехода к более глубокому научному познанию их в эпоху господства национальной доктрины «православие, самодержавие, народность», сопровождавшейся целым рядом практических «поновлений» памятников, позволивших эмансипировать их от классической археологии и перевести в разряд собственно истории искусства, создав тем самым «искусствознание» со своей сферой исследования и специфическим методом познания предмета. Делается вывод о сложении в начале XX века комплексного подхода к изучению художественного объекта, включающего в себя архитектуру, скульптуру и живопись как самостоятельные жанры искусства, находящиеся в органической взаимосвязи, что требует дальнейшего совершенствования путей освоения владими́ро-суздальского средневекового искусства.*

***Ключевые слова:** Владимиро-Суздальская Русь, XII век, архитектура, скульптура, живопись, наследие, Новое время, выявление памятников, изучение памятников.*

История искусства всегда базируется на результатах всесторонних исследований произведений, проводившихся на протяжении всей их жизни. Это позволяет каждый раз вносить в их атрибуцию все более уточняющую информацию. Без такого всестороннего подхода любая история искусства не может состояться,

тем более такая как наша – региональная. Новое время (XVIII–XIX века), которое пришло на смену Средневековью и проявило к памятникам древности более повышенное внимание, в какой-то степени уже решало вопрос об эволюции взглядов на обозначенное нами наследие.

Когда И.Э. Грабарь приступал в начале XX века к созданию девятитомной «Истории русского искусства», он сразу же столкнулся с огромными трудностями, которые касались прежде всего известности самих памятников искусства и степени их изученности. По этому поводу он писал: «... когда составителю настоящего труда пришлось взяться за сводку всего до сих пор изданного, оказалось, что материал этот не только не исчерпывает всех отраслей и эпох русского искусства, но для некоторых из них отсутствует совершенно и часто заведомо неверен, несмотря на то, что в течение целого столетия никому и в голову не приходило подвергать какому-либо сомнению все те фантастические сведения, которые с таким усердием измышлялись досужими любителями старины в течение всего почти XIX века» [1, с. 4–5].

Считаю, что подобное в известной степени сохраняется и сегодня. Поэтому наш предваряющий экскурс в обозначенный вопрос будет крайне необходим.

Исторически сложилось так, что произведения искусства, унаследованные нами от предыдущих эпох, не только разнообразны по своему составу, но и неоднзначны по своей общественной и художественной значимости. Критерии оценки последнего отлаживались веками. Они закрепляли в памяти людей общечеловеческие ценности, Процесс этот был изначальным и последовательным, предусматривавшим трезвый отбор из всего созданного человеком самого привлекательного и нужного для него.

Первые фиксации памятников владимирского средневековья обнаруживают русские летописи. Одна из них (Ипатьевская) под 1178 годом перечисляет белокаменные постройки, возведенные Андреем Боголюбским [5, с. 166], а другая под 1192 годом сообщает о хранении в Дмитриевском соборе во Владимире реликвий, связанных с Дмитрием Солунским [4, стб. 437]. Именно летописи можно

считать первым источником сведений о русских памятниках, в том числе и владимирских. Они кратки и скупы по наблюдениям. В них, как правило, упоминается время создания и имя создателя, иногда – их характерная особенность и примечательность.

Напротив, век Просвещения, наступивший за Средневековьем, более рассудителен относительно сохранившихся белокаменных раритетов. Особо красноречивы наблюдения Василия Никитича Татищева (1686–1750). В его широко известной «Истории Российской с самых древнейших времен» в приоритете на Владимирской земле продолжают оставаться белокаменные храмы, но их характеристика более аналитически емкая. В 1741 году он осматривает памятники. О перестроенном после обрушения соборе Рождества Богородицы времени Юрия Долгорукого в Суздале заявляет, что та «от недосмотра при построении развалилась» [9, с. 304], а о сильно искаженных ремонтами Золотых воротах во Владимире пишет: «...по вратам градским видно, что постройка значительных размеров была. От одного древнего строения мало осталось, и починка новая весьма отличается. Церковь же, конечно, должна бы преимуществовать. Но так как она после неким простым каменщиком перестраивалась, то ныне уже ни коего знака науки архитектурной в ней не видно. Мастера же присланы были от императора Фредерика Первого, с которым Андрей в дружбе был...» [8, с. 687]. Оговорим сразу же, что последнее известие, сохранившееся единственно у В.Н. Татищева, говорит о строительных связях Андрея Боголюбского с императором Священной Римской империи Фридрихом Барбароссой, что станет в последующем для исследователей предметом научных дискуссий, не стихающих до сих пор.

Открыв, но существу, заново из забвения владими́ро-суздальские белокаменные памятники, В.Н. Татищев тем самым наметил путь к дальнейшему их изучению. В орбиту его внимания попали практически все храмы, воздвигнутые в период расцвета Владимиро-Суздальского княжества.

Не случайно, конечно, что в «Топографическом описании Владимирской губернии», составленном в 1784 году, все известные белокаменные памятники

были объединены понятием, «готической архитектуры» по аналогии с западно-европейским средневековым зодчеством, на которое намекал В.Н. Татищев [10, с. 10.].

Так во всероссийском масштабе начинал формироваться в XVIII столетии сугубо владимирский фонд памятников искусства, всеми корнями вросший в местную историю. Он не сильно пополнился и в XIX веке, но зато существенно обновился источник его познания. Восторженные знакомство с памятниками в натуре дополнилось скрупулезным их изучением по документальным письменным материалам, особенно летописным. Широкомасштабный сбор исторических документов начался уже при Петре I.

Правительственные указы рассылались и позже, на протяжении всего XVIII века. Усилился интерес к описаниям не только отдельных памятников, но целых городов и крепостей, монастырей с их древними ризницами.

Особо велика здесь была роль упомянутого нами В.Н. Татищева, который разработал в 1737 году специальную инструкцию под названием «Предложения о сочинении географии Российской», состоявшей из 198 вопросов, ответы на которые могли всесторонне характеризовать вновь выявляемый памятник [7, с. 680–682]. Широкое анкетное обследование в своих исторических занятиях в Академии наук использовал и М.В. Ломоносов. По его настоянию для внесения изменений в «Большой атлас Российской империи», первоначально изданный в 1745 году, Синод разрешает своим указом 1759 года присылку описаний и планов монастырей и церквей для передачи их в Академию наук. В свою очередь для выявления и публикации художественных древностей, выявленных по анкетам, он планировал организовать экспедиции в старые русские города, в том числе в Суздаль, Владимир, Переславль-Залесский, «...чтоб имеющихся в церквах изображений государских иконописною и фресковою работою, на стенах или гробницах состоящих снять точныя копии, величиною и подобием, на бумаге водяными красками» [3, с. 692–963].

Как видим, на практике последовательно все более определялась потребность в освещении выявляемых «древностей» как документальным путем, так и натурной фиксацией.

В первом случае путь вел к активному выявлению и публикации летописей и исторических записей, во втором – к выявлению старых рисунков и чертежей и присовокуплению к ним новых, выполняемых в ходе обследования объектов.

Интерес к ознакомлению с древними письменными источниками был настолько велик, что Академия наук в 1828 году обратилась к императору Николаю I с просьбой учредить при ней специальную Археографическую экспедицию с целью сбора в России памятников письменности, для издания которых в 1834 году была образована Археографическая комиссия. К тому времени в крупнейших монастырях и соборах было выявлено более трех тысяч рукописных памятников, в том числе в Успенском соборе и Рождественском монастыре во Владимире, в Рождественском соборе и Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале и в других церковных библиотеках. С 1841 года началось издание «Полного собрания русских летописей», насчитывающего на сегодня 46 томов, в первом из которых была напечатана древнейшая из дошедших до нас Лаврентьевская летопись, хронологически охватывающая период русской истории с 852 по 1305 год. В основе ее лежат несколько списков Владимирских летописей, объединенных и переписанных нижегородским монахом Лаврентием в 1377 году. В ней, в основном, отражаются события, происходившие на Руси в период правления во Владимиро-Суздальском княжестве Андрея Боголюбского, Всеволода III и его сына Юрия Всеволодовича (Нижегородского). Она содержит самые первые сведения о строительстве на Северо-Востоке Руси городов и белокаменных храмов. В последующем, по выходе летописей в свет, источников о владимирских древностях становилось больше, что позволяет ныне достаточно точно датировать не только отдельные памятники, но и говорить о времени основания владимиросуздальских средневековых городов и монастырей.

Однако выявление летописных древностей еще не означало их реального существования. Поэтому в 1826 году Министерство внутренних дел рассылает

гражданским губернаторам именной указ Николая I «О доставлении сведений об остатках древних зданий и о воспрещении разрушать оные» [2, с. 39–40].

Впоследствии на основании собранных по императорскому указу сведений А.Г. Глаголевым было составлено «Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников», опубликованное в двух томах «Материалов для статистики Российской империи» (СПб., 1839 и 1841). Одновременно списки памятников публиковались и в «Журнале Министерства внутренних дел». Всего их насчитывалось свыше четырех тысяч. В числе владимирских древностей оказалось 26 наиболее известных объектов. Все они, как одиночные, так и комплексные, хронологически включали постройки, возведенные до конца XVII века. Поражает хорошая осведомленность автора записки о истории их возникновения и дальнейшего бытования вплоть до современного ему времени, что явно свидетельствует о наличии даже в провинциальной среде просвещенных любителей истории Отечества.

Среди обозначенных памятников были все девять сохранившихся до нашего времени белокаменных построек Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII веков. Это храмы, последовательно возводившиеся князем Юрием Долгоруким – церковь Бориса и Глеба в Кидекше (1152) Спасо-Преображенский собор в Переяславле-Залесском (1152–1157), его сыном Андреем Боголюбским – Успенский собор (1158–1160) и Золотые ворота (1164) во Владимире, загородная резиденция в Боголюбове (1158–1165) с церковью Покрова на Нерли (1165) и братом Андрея Всеволодом III – Дмитриевский собор (1193–1197) во Владимире, а затем уже сыновьями Всеволода III князем Юрием – собор Рождества Богородицы в Суздале (1222–1225) и князем Святославом – Георгиевский собор (1230–1234) в Юрьеве-Польском. Из недошедших до нас храмов XII века в списке значился сильно перестроенный собор Рождественского монастыря во Владимире (1129–1197), разобранный в советские годы. Кроме того, в список по живой еще памяти были внесены два белокаменных храма XII века – церковь Георгия и церковь Спаса близ Золотых ворот во Владимире. Но незадолго до того они были «выстроены

заново» из кирпича, причиной чему был сильный городской пожар 1778 года, полностью уничтоживший упомянутые древние постройки.

Закономерно, что выявление памятников «древности» всегда влекло за собой начало их изучения и дальнейшего углубления в их познание. Но если в XVIII столетии это носило еще характер одиночного любительства, то в XIX веке приняло всеобщий интерес.

Отметим, что столь возросшее внимание к памятникам Отечества было, видимо, прежде всего ярким отражением внутренней политики императора Николая I (1796–1855), поставившего национальные интересы России на первый план. Сформулированная в это время министром народного просвещения графом С.С. Уваровым знаменитая доктрина «православие, самодержавие, народность» реально действовала. Это способствовало широкому интересу общественности к изучению памятников, в том числе древнерусского искусства, в котором тема владими́ро-суздальского белокаменного зодчества заняла приоритетное место. Она широко уже обсуждалась на I Археологическом съезде в Москве в 1869 году, на котором ей были посвящены доклады А.С. Уварова, И.Д. Мансветова и Н.А. Артлебена. В дальнейшем круг исследователей значительно расширился. Помимо архитектуры, внимание привлекло скульптурное и живописное убранство храмов. Все известные историки древнего искусства России не прошли мимо владими́ро-суздальских памятников (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков, Д.В. Айналов, Н.В. Покровский, А.А. Бобринский). Итоги их исследований стали вскоре основой для написания более обобщенных трудов. Появились «История русской архитектуры» А.М. Павлинова (М., 1894), «История русского искусства с древнейших времен» в двух томах А.П. Новицкого (М., 1903) и «История русского искусства» В.А. Никольского (М., 1915).

Закономерным путем начавшийся процесс научной специализации сферы всеобъемлющей «археологии» подвел постепенно к вычленению из нее собственно археологии как науки, а также истории, архитектуры, изобразительного искусства (живопись и скульптура) и декоративно-прикладного творчества. Большую роль в этом процессе сыграли Археологические съезды, организовываемые

Московским археологическим обществом. По его инициативе в разных городах России в дореволюционный период было проведено 15 таких мероприятий. Это способствовало широкому распространению знаний о памятниках и важности их сохранения для многонациональной России. Пытаясь еще более углубить интерес общественности к старине на местах, Московское археологическое общество привлекло к своей работе губернские ученые архивные комиссии, создаваемые в провинции с 1884 года. На их основе было проведено еще четыре Областных археологических съезда: в Ярославле (1901), в Твери (1903), во Владимире (1906) и в Костроме (1909), а в 1914 году, перед началом Первой мировой войны, в Петербурге состоялся съезд делегатов от ученых архивных комиссий страны, на котором решался вопрос о расширении деятельности по охране памятников в России.

Отметим, что в ходе длительных обсуждений в обществе, дискуссий в правительстве и прений в Государственной Думе в начале XX века была выработана, наконец, четкая организационная структура действий в указанной сфере с попыткой принятия в конечном итоге Закона об охране памятников России. Главным органом выступал Комитет по охране памятников при Министерстве внутренних дел. Для оперативного решения практических задач вся территории Российской империи была поделена на пятнадцать археологических округов. Владимирская губерния вошла в состав Московского округа, центральным органом которого было Императорское Московское археологическое общество, а в качестве наблюдателя выступало Общество истории и древностей Российских при Московском университете.

Существенным оставался вопрос о выявлении памятников как о главном предмете забот научной общественности.

Определился, наконец, и вопрос о «возрасте» памятников, относимых к древности. Еще в 1851 году в своей знаменитой «Записке для обозрения русских древностей», опубликованной Русским археологическим обществом, археолог и

этнограф Иван Петрович Сахаров (1807–1863) сообщал, что «общество предположило назначать 1700 год крайним пределом для исследования русских древностей» [6, с. 82].

Позже, уже во второй половине XIX – начале XX века, когда сфера единой «древности» все более стала дифференцироваться по видовым признакам, памятники стали рассматриваться не только по хронологическим, но и по художественным критериям, особенно в сфере искусства. Вновь актуальным стало анкетирование древностей с целью получения о них от корреспондентов максимальных сведений. Особой полнотой вопросов отличалась уже упомянутая нами «Записка для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова. Она стала, по существу, началом научной классификации древнерусских церковных ценностей. И.П. Сахаров подразделил все подлежащие описанию памятники по их характеру на семь видов: градостроительные (топография городов, сел, монастырей и деревень), архитектурные (архитектура церковных и монастырских зданий), иконописные (стенное письмо, иконы, лицевые подлинники), металлические изделия, шитую церковную утварь (пелены, покровы, убрусы, облачения), скульптуру (ваяние и резьба), письменность (рукописи и старопечатные книги). Инструкция по описанию, составленная И.П. Сахаровым, отличалась особой подробностью и предоставляла возможность автору записки весьма полно и точно определить особенности памятника. Поэтому она не потеряла своей актуальности до сих пор. В ней присутствует широта обозрения материала и глубокий научный подход к описанию объекта, в котором И.П. Сахаровым был проявлен сугубо профессиональный опыт работы со средневековым материалом.

Довольно пространные вопросы о сфере бытования памятника в прошлом давали возможность как можно полнее его интерпретировать в настоящем, то есть придать ему, по возможности, первичную атрибуцию. По такому принципу, например, Московское археологическое общество, готовясь к своему VIII археологическому съезду в 1890 году, организовало выставку, посвященную развитию древнерусского искусства.

Как видим, подготовка и издание Н.П. Сахаровым подробнейшей «Записки для обозрения русских древностей» возымела свое действие и приносила реальные и весьма ощутимые плоды. Собрание сведений становилось интересным занятием. Этому во многом способствовала просвещенная общественность на местах. Если Московское археологическое общество, руководимое графом А.А. Уваровым, привлекло к этому деятелей губернских ученых архивных комиссий, то Императорская Археологическая комиссия в Санкт-Петербурге, возглавляемая графом С.Г. Строгановым, обратилось к помощи губернских статистических комитетов, подведомственных Министерству внутренних дел.

В подобной ситуации вполне закономерно возник вопрос об упорядочении работы с памятниками и о их дальнейшей систематизации, что вылилось в конечном итоге на подразделение объектов на две категории – движимые и недвижимые. Первые, в силу их пространственной мобильности, могли стать музейными экспонатами, а вторые, по своей монументальности и крупногабаритности причислялись к древним сооружениям и становились общим культурным достоянием государства. На начало XX века к первой категории только во Владимирской губернии причислялось 44 исторических памятников и 118 ко второй [2, с. 338]. Такое определение характера выявляемых «древностей» было весьма логичным и дожило до наших дней, закрепившись официально в законодательстве в форме музейных предметов и объектов культурного наследия.

Но исторически возникнув, идея систематизации памятников, продолжая идти в русле уже наметившейся специализации тогдашней науки, нашла дальнейшее свое продолжение в их классификации по видам. В «Проекте закона об охране памятников старины в России», опубликованном в 1911 году, указывалось, что «памятники старины подразделяются на 5 разрядов (зодчество, живопись, ваяние, прикладное искусство, письменность) [2, с. 279].

В связи с подобным подходом изучение памятников древности принимало все более конкретизированный характер, связанный непосредственно с самой спецификой их видов. За XIX столетие наука о древностях отечественного искусства не только самоопределилась предметно, но и сумела поставить целый ряд

вопросов проблемного характера, особенно касающихся происхождения и национальных особенностей эволюции ее видов, общепризнанных уже в начале XX века.

В этом отношении особенно были заметны успехи предпринятого И.Э. Грабарем издания уже упоминавшейся выше «Истории русского искусства», к участию в котором были привлечены самые видные ученые. Это был своеобразный итог исследований памятников древнего искусства. Первый том, посвященный всецело средневековой допетровской архитектуре, был написан самим И.Э. Грабарем с привлечением таких известных архитекторов, как Ф.Ф. Горностаев, В.А. Покровский, В.В. Суслов, А.В. Щусев. Автором тома, посвященного древнерусской живописи, был выдающийся ее знаток, искусствовед П.П. Муратов. Владимиро-суздальская белокаменная скульптура, архитектурная по своей природе, органично рассматривалась исследователями поначалу вместе с ней, пока полнота собранного материала и его научная новизна не поставили вопрос о самоопределении этого уникального вида искусства, предопределив тем самым появление в уже советские годы исследований таких ярких авторов как Н.Н. Воронин и Г.К. Вагнер.

Подводя итоги, отметим, что владими́ро-суздальская школа белокаменного зодчества как сугубо национальное художественное явление никогда не теряла общественного интереса к себе, постоянно подпитываясь в российском культурном пространстве в той или иной степени не только чисто просветительскими идеями, но и патриотическими чувствами.

Список литературы

1. Грабарь И.Э. История русского искусства / И.Э. Грабарь. – М.: АСТ, 2009. – 208 с.
2. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX в.: сборник документов / АН СССР, ИИ СССР, ЛОИА, ЦГИА СССР; сост.: К.М. Пескарева [и др.]. – М., 1978. – 356 с.

3. Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге / П.П. Пекарский. – Т. 2. – СПб.: Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1873. – LVIII, 1042 с., л. факс.

4. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянной историко-археографической комиссией Академии наук СССР. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку / под ред. Е.Ф. Карского. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. Стб. 290–488.

5. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. – Т. 1. I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи / издание Археографической комисс. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. – XX, 267 с., л. факс.

6. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX в.: сборник документов / В.С. Дедюхина, С.П. Масленицына, Л.В. Шестопалова [и др.]; Гос. науч.-исслед. ин-т реставрации М-ва культуры РФ. – М.: Отечество, 1997. – 400 с. – ISBN 5-86057-014-0.

7. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России / В.Н. Татищев. – М.: Географгиз, 1950. – 248 с.

8. Татищев В.Н. История Российская / В.Н. Татищев. – В 3 т. Т. 2. – М.: АСТ; Ермак, 2005. – 732 с. – ISBN 5-17-018269-4.

9. Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен / В.Н. Татищев. – Кн. 3. – М.: Напечатана при Императорском Московском университете, 1774. – 530 с.

10. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Переславль и уезд / под ред. и с предисл. Г.А. Ряжского. – М.: MelanarĖ, 2010. – 17 с.